

МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ЧЕРНЯК

доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы филологического факультета
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ma-cher@yandex.ru

ЛАДА НИКОЛАЕВНА НАУМОВА

аспирант кафедры русской литературы филологического факультета

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

vselennaya.1997@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ «СОВРЕМЕННОСТЬ» В ПРОЗЕ ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА

А н н о т а ц и я . Целью статьи является выявление особенностей прозы Виктора Пелевина в контексте понимания автором понятия «современность». Трансформация этого понятия рассматривается на протяжении тридцати лет творчества Пелевина (с конца 1980-х годов до 2021 года). Основными методами исследования были выбраны сравнение и анализ современных реалий, отраженных в произведениях Пелевина в разные периоды (выделено три основных периода) его творчества. Особое внимание уделено понятию «современность» как сложному и противоречивому философскому понятию, связанному с возникновением и циркуляцией идей в едином интеллектуальном пространстве, и его трансформации в разных текстах Пелевина. Показано, что в последнюю четверть века русская литература впервые столкнулась с мощными социокультурными вызовами (кризис литературоцентризма, трансформация литературного поля, требования новой постгуттенберговской эпохи, ревизия культурных ценностей, коммерциализация литературы, новые писательские и читательские стратегии и др.), практически все эти вызовы современности так или иначе интересуют Пелевина и достаточно дискуссионно представлены на страницах его произведений. Жесткость и стабильность творческого метода дают основания говорить не только об эволюции писателя, но и об индивидуальной манере «сканирования» современности. Новизна проведенного исследования заключается в выявлении специфики отражения Пелевиным современности и ее трансформации. Делается вывод, что упоминание Пелевиным современных общественных реалий и идей вне зависимости от периода творчества – это не монолог, а в большей степени художественный диалог с современностью, который постоянно усложняется и трансформируется вместе со стремительно изменяющейся действительностью.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Виктор Пелевин, современная литература, современность, современный герой, постмодернизм, метамодерн, постирония

Д л я ц и т и р о в а н и я : Черняк М. А., Наумова Л. Н. Трансформация понятия «современность» в прозе Виктора Пелевина // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 7. С. 94–100. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.822

ВВЕДЕНИЕ

Виктор Пелевин вот уже 30 лет является одной из самых обсуждаемых фигур современной литературы, каждый его новый роман (в 2021 году вышел уже восемнадцатый), с одной стороны, вызывает совершенно противоположные реакции читателей, а с другой – довольно репрезентативно иллюстрирует тенденции современного литературного процесса. Намеренно создавая вокруг своей биографии, своего местонахождения, свое-

го образа эффект информационной пустоты (любимый образ писателя), Пелевин с неизменной пунктуальностью каждый год осенью выпускает новый роман. Жесткость и стабильность творческого метода дают основания говорить не только об эволюции писателя, но и об особой манере «сканирования» современности. Проблемами актуальности и современности произведений Пелевина занимались О. В. Богданова, С. А. Кибальник, Л. В. Сафронова и другие современные

литературоведы. Поиск ответов на вопрос «Современен ли Пелевин?» продолжается и сейчас.

Необходимо отметить, что «современность» – достаточно сложное и противоречивое философское понятие, связанное с возникновением и циркуляцией идей в более или менее едином интеллектуальном пространстве. Например, современность в трактовке И. П. Смирнова совпадает со сферой идеократии, наделяющей идею сакральной властью и творческим потенциалом [10: 19]. Реальность в этом случае предстает как множественность позиций, что предполагает учет эпистемологических и ценностных ориентиров рефлексии современности. Эпистемологическая неопределенность, соотносимая с иерархией ценностей, понуждает к определению стратегий формирования субъективности в конкретных событийных ситуациях. Таким образом, формирующееся сознание современности при всей множественности его проявлений складывается во взаимодействии определенности и неопределенности, что ставит вопрос о силах и ценностных смыслах рефлексии и существования.

Если модерн с его принципиальной установкой на будущее как бы пренебрегает настоящим, то (пост)современная ситуация еще более усложнена некой фантазматической ирреальностью, где «реальные» законы права, нравственности и жизненного поведения оказались во многом смещенными. Если в иных литературных периодах так или иначе прослеживались схожие черты общих героев эпохи, то в современной литературе практически невозможно выделить литературного героя, отвечающего единой проблематике нашего слишком противоречивого времени. Так, поэт М. Степанова, описывая нашу современность, говорит о своеобразной скудости оперативного словаря:

«Ощутимый неуют заставляет обитателей нашей *не-современности* сбиваться во что-то вроде легкой ситуативной пены, в летучее мы, которое образуется по тому и другому поводу и разлетается через несколько часов или дней. То, что Блок называл “событиями”, – очень грубо говоря, тот язык, на котором история говорит с человеком, – обращено именно к множествам, приводит *мы* в движение, их смещениями питается. Надо как-то объяснить себе, что это с нами такое делается, и тут оказывается, что для этого нет новых слов. Мы – я – их не наработали за 90-е и нулевые; похоже, что единственная работа, которая была проведена, – работа по эксгумации и оживлению старого. Так теперь и есть; мы молчим, *оно* говорит – что умеет и как умеет. Такое ощущение, что в оперативном словаре нету слов и конструкций, что позволили бы говорить о том, что происходит сегодня, не опираясь на сложное прошлое, не применяя портативный цитатник» [11: 30].

Литература движется в пространстве, в котором существует множество различных языков и кодов, и современность оказывается надежным инструментом, позволяющим улавливать

колебания общественной среды и новые параметры стилового потока. Писатель Ш. Идиатуллин убежден в том, что

«литература должна помогать обществу нащупывать себя *здесь и сейчас*. Чтобы люди понимали, что происходит, чем сегодняшний день отличается от вчерашнего, чего мы хотим от дня завтрашнего и что грозит на пути к будущему» [3].

Действительно, словарь современных понятий пополняется постоянно и стремительно: мультикультурализм, феминизм, токсичность, толерантность, абьюз, буллинг, стеклянный потолок, цифровизация и т. д. и т. п. Может ли писатель столь же стремительно отражать эту меняющуюся реальность? Представляется, что для иллюстрации трансформации понятия «современность» в творчестве одного автора наиболее подходит В. Пелевин, произведения которого можно отнести и к модернизму, и к постмодернизму, и к метамодернизму, к массовой и элитарной литературе одновременно. Его произведения наполнены глубокой философией и не менее глубокой сатирой над обществом, а популярность у достаточно неоднородной аудитории нередко объясняют «абсолютной доступностью и непроницаемостью одновременно» [12], а также постоянными изменениями вектора социальной повестки, исходящими из запросов современного общества. Можно вслед за критиком В. Пустовой предположить, что Пелевин предлагает своего рода

«иероглифы современности – некоторые сгущения смысла, которые вполне вербализовать не получается, но которые ощущаются как пульсирующие жизнью, существенные для нашего самосознания» [9].

В. Пелевина часто сравнивают с В. Сорокиным или противопоставляют ему. Действительно, этих писателей, ворвавшихся одновременно в постсоветскую литературу, можно назвать живыми классиками, которым на протяжении трех десятилетий удается по-разному, но с одинаковым упорством ставить диагноз своему времени, Е. Добренко, размышляя о творчестве Сорокина, высказал важную мысль, которая может быть абсолютно применима и к эволюции Пелевина:

«Если ранее исходным текстом был *соцреализм* – и именно его конвенции подлежали дискурсивной деконструкции, то теперь на его место пришла *реалистически выписываемая актуальная современность* <...> смещение писательского интереса к непосредственному контакту с современностью связано не только с изменением материала, но с изменением самой природы приема» [4: 88–100].

В конце 1960-х – начале 1970-х годов в литературе начинает господствовать постмодернизм, его особенности мировосприятия в русской литературе отразил жанр так называемого нелинейного романа, в котором возникают восприятие мира как текста, акцентирование идеи лабиринта, по-

сколькx прямой выход из ситуации тотального отрицания невозможен, а также развитие идеи децентрации – отказа от основополагающих идей и ориентиров, ранее выстраивавших вокруг себя картину мира и структуру личности [14: 103]. Благодаря этому герои, сюжеты и проблематика романов современной литературы стали неоднозначными и более противоречивыми. Как пишет сам В. Пелевин в одном из своих романов «Числа», «в постмодернистскую эпоху главным становится не потребление материальных предметов, а потребление образов, поскольку образы обладают гораздо большей капиталоемкостью»¹. В то время когда В. Пелевин публикует свои первые произведения (конец 1980-х годов), жанровые особенности постмодернизма в России достигают своего наивысшего расцвета.

Следует принять во внимание, что само понятие «современность» (как понятие философии культуры) обозначает такую проблемную ситуацию, в которой оказываются общества вследствие подрыва и распада того строя высших ценностей, которые ранее легитимировали их порядки, обеспечивали осмысленность общей «картины мира» у членов этих обществ и воспринимались ими в качестве высшей и объективной «онтологической» реальности (представляемой мифологически, религиозно в виде универсальных моральных «законов природы» или иначе)².

* * *

Для того чтобы проследить трансформацию понятия «современность» в произведениях В. Пелевина, представляется важным выделить в творческом пути писателя определенные смысловые отрезки времени, в которые происходит изменение этого понятия:

- 1) конец 1980-х – середина 2000-х годов;
- 2) середина 2000-х – середина 2010-х годов;
- 3) середина 2010-х – 2021 год.

Чтобы в полной мере раскрыть эту тему, дадим характеристику всем периодам, опираясь на наиболее знаковые тексты автора, а также рассмотрим, как именно произведения Пелевина соотносятся с понятием «современность». Следует отметить, что те или иные черты могут встречаться в произведениях любого из периодов, мы указываем на них с целью продемонстрировать наиболее характерные черты каждого периода.

Для текстов Пелевина конца 1980-х – середины 2000-х годов свойственно показывать героев советского или постсоветского пространства, их жизнь и противостояние обществу. В ранних произведениях Пелевина («Затворник и Шестипалый», «Жёлтая стрела», «Жизнь насекомых» и др.) философия, очевидно, преобладает над сатирой.

«Омон Ра» (1991) – очень важная и показательная повесть Пелевина, в которой можно наблюдать

становление постмодернистской поэтики с непредсказуемостью сюжета, оригинальностью символики и гротескным изображением советской мифологии. Е. С. Биберган отмечает свойственный постмодернизму «слом повествования», заключавшийся в стилистической имитативности текста и действующем внутри него механизме разрушения стиливого единства произведения [2: 20].

Омон Кривомазов, герой романа «Омон Ра», с малых лет мечтает о космосе. В погоне за мечтой вместе с другом Митей он поступает в летное училище им. А. Мересьева, где учат «подвигам» – всецело и безотказно отдаваться воле родины. Сюжетная линия построена на взрослении Омона, познании им окружающего мира, но на первый план выступает тоталитарная реальность, от давления которой главный герой по мере взросления пытается освободиться. Государство в «Омоне Ра» – всепоглощающая антиутопичная система, создающая миф о социалистических подвигах путем тотального обмана и мистификации, не отличающая живых людей от автоматки, где растворяется все личное, превращаясь в единицу всеобщего. Произведение наполнено символами тоталитарного режима, рифмующегося у писателя с темой космоса. Все вокруг главного героя окрашено космической тематикой, даже обыденные вещи:

«Из своего детства я запомнил только то, что было связано <...> с мечтой о небе <...> Я жил недалеко от кинотеатра “Космос”. Над нашим районом господствовала металлическая ракета, стоящая на сужающемся столбе титанового дыма, похожем на воткнутый в землю огромный ятаган...»³

Действительность того времени Пелевин описывает как печальную и безвыходную советскую реальность, неспособность человека выбраться из нее даже путем отказа от коммунизма. Уже здесь определяется маршрут, заданный спецификой художественного метода писателя, обращенностью его художественного мира к легко опознаваемым, архетипическим знакам социального контекста.

«Постмодернизм настаивает на мнимости объективной (несемантизированной) действительности, единственной реальностью, в которой обретается искусство, признается культурное пространство “симулякров”. Как стратегия тотального скепсиса, постмодернизм осуществляет ревизию всего пространства культуры, особенно значима его работа по сокрушению “симулякров” советской тоталитарной ментальности и канонов соцреалистического искусства» [5: 3–47],

– эти слова Н. Лейдермана прекрасно иллюстрирует роман В. Пелевина «Чапаев и Пустота» (1996), который состоит из множества современных мифов, складывающихся в индивидуальную картину мира «объективной реальности». В середине 1990-х годов русский постмодернизм наполняется

экзистенциальными проблемами. Произведения, написанные в этот период, констатируют утрату реальности, а также стараются найти ориентиры в образовавшейся пустоте. Пелевин использует характерные для постмодернизма приемы: игру стереотипами массового сознания, архетипами мировой культуры, философскими концепциями; обращение к культурным кодам разных народов и эпох; фантастические и мистические aberrации действительности; отсутствие разницы между «своим» и «чужим» в тексте. Сюжета в обычном понимании у постмодернистского романа может и не быть. «Ложная личность» поэта-декадента Петра Пустоты доминирует в его сознании. Петр Пустота живет в 1919 году и одновременно в современности девяностых, знакомится с Чапаевым – гуру, учителем духовного освобождения, своего рода Бодхисаттвой. В раннем периоде своего творчества Пелевин пишет романы о душевной пустоте людей. Его герои постепенно осознают иллюзорность «реальности» и устремляются навстречу истинному бытию.

В пелевинской прозе середины нулевых годов лирические отступления и проповеднические религиозные мотивы практически упрядняются. Меняются представления о духовном идеале, о «другой реальности», автор начинает выбирать все более нереалистичных персонажей и использовать в прозе тематику мистики. В текстах фигурируют антропоморфные мистические существа, роботы, оборотни, вампиры. Примечательно, что в произведениях этого периода сатира начинает значительно преобладать над философией.

Роман «Числа» (2003) – яркий пример емкой сатиры первого периода, попытка автора высмеять концепцию чисел как носителей каких-либо идей, которая была задана обэриутами в начале XX века. Особое внимание Пелевин уделяет эзотерическим учениям, каждое из которых присутствует в виде определенных знаков в жизни главного героя Степы Михайлова, который выбрал число 34 своей «путеводной звездой» и пытается связать с ним все события своей жизни. В тексте романа есть 17 чисел во взаимодействии, некоторые из них появляются несколько раз, всегда передавая разное значение. На основе именно этих значений формируется мотив постоянного пути из «ниоткуда» в «никуда». Поиск истины через ложные факты и идеи передается несколькими способами: «называние вещей своими именами» («ГКЧП» – «Городской клуб чайных перемен») и постоянное наложение разных имен персонажей (Степа – Татьяна – Пикачу). Каждый из примеров представляет собой игру чисел, целью которой, по словам М. Бахтина, является насмешка, пародия и практически «наслаивание масок персонажей, а потом постепенное их срывание» [1: 188].

Таким образом, концепция книги во многом построена на пародировании идей обэриутов и диалоге с их утверждением «Мир есть ложь». Так, представляется показательной интертекстуальная перекличка с А. Введенским: «Вот так придумывал телегу я / О том, как пишется элегия»⁴ [4: 72]. Ср.: «Так сочинилась мной элегия, / о том, как ехал на телеге я»⁵. Связь с «Элегией» А. Введенского очевидна: набор лексем остался тем же, но структура фразы изменена. Пелевин активно иронизирует над идеей воплощения пути через ложные суждения.

Творчество периода с середины 2000-х до середины 2010-х годов заметно отличается от ранних текстов Пелевина, в которых отражается специфика жизни в советской или постсоветской России, метаморфозы, происходящие с народом и страной в целом. В романе «Священная книга оборотня» (2004) автор рассматривает абсолютно другую тему – тему двойничества и оборотничества людей. Эти символы (изнанка, двойное дно, тайна), заимствованные из древних мировых культур, оказались предельно точными для описания ментальных сдвигов современного человека.

Лиса – это не только пелевинская метафора писателя-творца, это его взгляд на кризис литературоцентризма. Здесь Пелевин сближается с Сорокиным, письмо которого вырастает из кризиса гуманистической традиции, обозначенной еще В. Шаламовым; это письмо,

«возникающее *после литературы* (или Литературы с заглавной буквы), заново открывает безграничность ее поля, проверяя литературу на ее способность сопротивляться насилию» [4: 51].

Образ девушки-лисы – устойчивый в китайской и японской мифологии, у Пелевина он приобретает особые черты. Лисы в романе Пелевина с помощью хвоста внушают людям придуманный ими другой мир, трансформируют восприятие, дурачат и играют одновременно. Наваждение или морок, который они наводят, – метафорическое понимание процесса творчества. В «Священной книге оборотня» Пелевин отходит от высказанной еще в романе «Чапаев и Пустота» мысли, что процесс творчества полностью подвластен автору-демиургу. Писательство – это тайна, его механизм загадочен и необъясним. Героиня-оборотень говорит:

«Хвост – орган, с помощью которого мы создаем наваждения. Как мы это делаем? С помощью хвоста. И больше тут ничего не скажешь. Разве человек, если он не ученый, может объяснить, как он видит? Или слышит? Или думает? Видит глазами, слышит ушами, а думает головой, вот и все. Так и мы – наводим морок хвостом. А объяснить механику происходящего в научных терминах я не берусь»⁶.

Последние четверть века русская литература впервые столкнулась с мощными социокультур-

ными вызовами времени (кризис литературоцентризма, трансформация литературного поля, требования новой постгуттенберговской эпохи, ревизия культурных ценностей, коммерциализация литературы, изменение писательских стратегий и читательских ожиданий), практически все эти вызовы современности так или иначе интересуют Пелевина. Актуальность основных произведений второго периода его творчества заключается в том, что автор высмеивает современные концепции познания, которые не вписываются, по его мнению, в логические рамки.

Для периода с середины 2010-х до 2021 года характерна эволюционная смена эстетической парадигмы, писатель практически полностью меняет вектор своего развития, оставляя лишь немного из раннего творчества. Он иронизирует уже над новыми модными веяниями, такими как феминизм, мультикультурализм, трансгуманизм, политические игры, следование трендам и др. Стоит отметить, что на передний план выходят женские персонажи, они чаще становятся объектом сатиры и постиронии, чем мужские. Важно подчеркнуть, что, формируя новые точки входа в горячие современные тенденции, Пелевин не занимается лишь фиксацией поэтики повседневности, его интересуют ментальные сдвиги, маркеры современной культуры.

«Тайные виды на гору Фудзи» (2018) – психологический роман третьего периода, высмеивающий феминизм и антифеминизм. Герои его родом из девяностых: олигарх Федор, разбогатевший из-за случайной удачи, и его школьная любовь красавица Таня, которая не преуспела в карьере, растолстела и утешается женскими романами и популярной психологией. Каждый из героев встречает собственного Мефистофеля, предлагающего короткий путь к счастью. При помощи высоких технологичный мозг Федора подключают напрямую к мозгу монаха, позволяя без долгих медитаций достичь просветления. Но он не может попасть в тот самый рай из-за своих деяний, срываясь с высот просветления в ужасную депрессию. А отчаявшаяся и озлобленная на весь род мужской Таня встречает Жизель – трансгендерную женщину, которая зовет героиню в секту боевых феминисток («Охотниц») и дает ей власть над патриархальным миром. В романе счастье обоих оказывается иллюзией. Герои страдают не от каких-то неудовлетворенных потребностей и неосуществленных желаний, они тоскуют по временам, когда у них были эти самые желания.

Практически в каждом произведении Пелевина можно обнаружить по-разному описываемые параллельные миры, зеркально отражающие реальность. Мотивы двоимирия всегда поясняют какую-то актуальную российскую или мировую ситуацию.

«Современные реалии, узнаваемые в повествовании, – увлечение всевозможными “жизненными тренингами” с коучами, мистическими практиками, создание компьютеров-писателей, и все это на фоне чудовищных политических провокаций – таков, по мнению писателя, современный мир господства цифровых технологий: человек все так же внушаем, беззащитен, но неисчерпаемо креативен в своих стремлениях подчинить себе других людей» [14: 26].

Информационные шумы, общая «инволюция» культуры влияют на трансформацию авторской субъектности. Нельзя не согласиться с мнением критика С. Оробия:

«...словесность становится чудовищно болтлива, потому что за перо нынче берется не только Человек пишущий, но и Человек говорящий. Вопреки опасениям, настоящая угроза “большой литературе” – не литература массовая, а сетевая “болтовня”, что выплеснулась из экранов на бумагу. Положим, в самой “болтовне” нет ничего плохого, все-таки живем в новой реальности, где скорость информации увеличивается в геометрической прогрессии» [7].

Вовлеченность современного писателя в широкий спектр коммуникативных практик и множественность информационных потоков создают новые контуры литературного поля. На наших глазах возникают новые режимы распределения внимания. Выстраивание новой культурной парадигмы цифровой эпохи влечет за собой изменения на разных уровнях системы культуры (см. об этом: [13]).

«iPhuck 10» (2017) – детективный роман, написанный литературным и полицейским алгоритмом в Российской империи конца XXI века. Алгоритм называется Порфирий Петрович, и он арендован Марухой Чо для исследования арт-рынка. Порфирий добывает нужную Марухе информацию, попутно создает литературный продукт из всего происходящего, общается с работодательницей с помощью «айфака» – новейшего и супердорогого гаджета для киберсекса, изобретенного в эпоху, когда секс в обычном телесном смысле уже не актуален, а порядочные люди все решают цифровым способом. Основное же содержание романа составляют не рабочие или личные отношения Марухи и Порфирия, а типичные для автора философские и сатирические мотивы: «Что, спрашивается, действует, когда человек читает книгу? Его ум. Только ум. Это и есть единственное возможное действие»⁷. И здесь видны соответствующие Пелевину приемы: геополитический гротеск, уничижительные шутки знатока постмодернизма и лингвофилологии, многостраничные пародии на арт- и кинокритику, ярмарка неполиткорректных острот, неизменные сценарии рекламных роликов, инсталляций, телешоу и немного буддизма. Философия буддизма, как дань стилю, в романе присутствует, но отодвинута на задний план, поскольку постирония гораздо точнее передает состояние современного общества.

Критик Е. Писарева, комментируя выход романа «Непобедимое солнце», иронически задает вопрос:

«Где еще можно прочитать на семистах страницах о Грете Тумберг, Black Lives Matter, diversity, некроэмпатах, гендерном терроре и цифровом капитализме и не уснуть между строк. И, конечно, фирменные пелевинские гэги никто не отменял: тут тебе и “раскулачивание зулеек”, и порабощение эмодзи, и роман из кликбейтных заголовков и прочее – будет что растащить на цитаты» [8].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нетрудно заметить, что на протяжении тридцати лет понятие «современность» в творчестве Виктора Пелевина трансформируется в соответствии с общественными реалиями. Автор является своего рода зеркалом эпохи, иронически отражающим социальные проблемы, общественные настроения и тренды. Он умело подстраивается под ожидания среднестатистического читателя современной литературы, для которого важен отстраненный взгляд на реальность. Если обратить внимание на вектор изменений, то можно обнаружить, что с каждым годом его произведения все больше теряют психологичность и обретают сарказм; в связи с запросом общества в про-

зе Пелевина ставятся феминистские проблемы, главными героинями становятся самодостаточные женщины.

Упоминание Пелевиным в романах современных общественных реалий и идей вне зависимости от периода творчества – это не монолог, а в большей степени художественный диалог с современностью, непрекращающийся диалог, который постоянно усложняется и трансформируется вместе с нашей стремительно изменяющейся действительностью.

«“Реальность” – внутримозговое наваждение, как сон. Знакомый нам мир существует только внутри мозга. Запахи и цвета, вкусы и ощущения, идеи и смыслы, красота и безобразие, ненависть и любовь – их во внешнем мире нет. Все это фабрикуется человеческим мозгом из одинаковых по своей природе импульсов, приходящих по нервным волокнам. Так не все ли равно, откуда они придут?»⁸ –

задает вопрос Пелевин в своем последнем романе «TRANSHUMANISM INC». Очевидно, что писатель находится в творческом развитии, и выносить итоговые оценки представляется преждевременным, однако есть основание полагать, что ключевые проблемы современности не оставят его равнодушным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пелевин В. О. Числа. М.: Эксмо, 2016. 288 с.

² Новая философская энциклопедия / Ред.: В. С. Стёпин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, А. П. Огурцов. М.: Мысль, 2000. Т. 1–4. 2659 с.

³ Пелевин В. Омон Ра. М.: Эксмо, 2015. 160 с.

⁴ Пелевин В. О. Числа. М.: Эксмо, 2016. 288 с.

⁵ Введенский А. Элегия, поэма. Собрание сочинений в двух томах. Т. 2. М.: Гилея, 1993. 266 с.

⁶ Пелевин В. О. Священная книга оборотня. М.: Эксмо, 2007. 384 с.

⁷ Пелевин В. О. iPhuck 10. М.: Эксмо, 2017. 416 с.

⁸ Пелевин В. О. Transhumanism inc. М.: Эксмо, 2021. 608 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 262 с.
- Биберган Е. С. Концептуальность и философия в рассказе Владимира Сорокина «Настя» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. 2011. Вып. 4. С. 19–27.
- Идиатуллин Ш. Не писать о современности – хуже чем ошибка, это преступление [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.oblgazeta.ru/culture/books/101069/> (дата обращения 10.10.2021).
- Добренко Е., Калинин И., Липовецкий М. «Это просто буквы на бумаге...». Владимир Сорокин: после литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 712 с.
- Лейдерман Н. Траектории «экспериментирующей эпохи» // Вопросы литературы. 2002. № 4. С. 3–47.
- Мережинская А. Ю. Русский «нелинейный роман» в контексте европейской постмодернистской традиции // Постмодернизм: что же дальше? (Художественная литература на рубеже XX–XXI вв.). М.: ИНИОН РАН, 2006. С. 253–265.
- Оробиц С. Рождение романа из музыки блога? // Homo Legens. 2012. № 1. С. 75–77.
- Писарева Е. Секс, бессмертие, матриархат. «TRANSHUMANISM INC.» Виктора Пелевина: книга на выходные от Екатерины Писаревой [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/08/26/seks-bessmertie-matriarkhat> (дата обращения 10.10.2021).
- Пустова В. О границах современной литературы // Литература. 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://litteratura.org/publicism/1448-o-granichah-sovremennoy-literatury.html> (дата обращения 12.10.2021).
- Смирнов И. П. Кризис современности. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 296 с.
- Степанова М. М. Три статьи по поводу. М.: Новое издательство, 2015. 64 с.
- Филиппов Л. Что-то вроде любви: критическая статья по Пелевину [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-filip/1.html> (дата обращения 10.10.2021).

13. Черняк М., Пешкова О. Трансформация авторской и читательской субъектности в условиях творческой цифровой среды // *Культура и текст*. 2019. № 2 (37). С. 144–156.
14. Янь М. Творчество Виктора Пелевина в XXI веке: Монография. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2021. 192 с.

Поступила в редакцию 31.01.2022; принята к публикации 25.07.2022

Original article

Maria A. Chernyak, Dr. Sc. (Philology), Professor, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russian Federation)
ma-cher@yandex.ru

Lada N. Naumova, Postgraduate Student, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russian Federation)
vseleynaya.1997@mail.ru

TRANSFORMATION OF THE CONCEPT OF “MODERNITY” IN VIKTOR PELEVIN’S PROSE

Abstract. The purpose of the article is to identify the specific features of Viktor Pelevin’s prose in the context of his understanding of the concept of “modernity”. The transformation of this concept has been studied for the thirty years that Pelevin has been writing his books (from the late 1980s to 2021). The main research methods for this paper were the comparison and analysis of modern realities reflected in Pelevin’s works in different periods (namely three of them identified in the article). Special attention is paid to the concept of “modernity” as a complex and contradictory philosophical concept associated with the emergence and circulation of ideas in a single intellectual space, and to its transformation in different Pelevin’s texts. The article shows that over the past quarter century Russian literature for the first time faced great sociocultural challenges of the period (crisis of literary centrism, transformation of the literary space, demands of the new post-Gutenberg era, revision of cultural values, commercialization of literature, new strategies for writing and reading, etc.). Almost all of these challenges are of interest to Pelevin in one way or another and are presented on the pages of his books in a rather controversial way. The rigidity and stability of his creative method give reasons to speak not only about the writer’s evolution, but also about his special manner of “scanning” modernity. The novelty of the research is in identifying the specific characteristics of Pelevin’s reflection and transformation of modernity. The article concludes that Pelevin’s mentioning of modern social realities and ideas, regardless of the period of his writing career, is not a monologue, but rather an artistic dialogue with modernity, which is constantly becoming more complicated and transformed along with rapidly changing reality.

Keywords: Viktor Pelevin, modern literature, modernity, modern hero, postmodernism, metamodern, postirony

For citation: Chernyak, M. A., Naumova, L. N. Transformation of the concept of “modernity” in Viktor Pelevin’s prose. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(7):94–100. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.822

REFERENCES

1. Bakhtin, M. The works of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance. Moscow, 1990. 262 p. (In Russ.)
2. Bibergan, E. S. Conceptualism and philosophy in the novel *Nastya* by Vladimir Sorokin. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9*. 2011;9(4):19–27. (In Russ.)
3. Idiatullin, Sh. Not writing about modernity is worse than a mistake, it’s a crime. Available at: <https://www.oblgazeta.ru/culture/books/101069/> (accessed 10.10.2021). (In Russ.)
4. Dobrenko, E., Kalinin, I., Lipovetsky, M. “These are just letters on paper...”. Vladimir Sorokin: after literature. Moscow, 2018. 712 p. (In Russ.)
5. Leiderman, N. Trajectories of the “experimenting era”. *Topics in the Study of Literature*. 2002;4:3–47. (In Russ.)
6. Merezhinskaya, A. Yu. The Russian “nonlinear novel” in the context of the European postmodern tradition. *Postmodernism: what’s next? (Literature at the turn of the XXI century)*. Moscow, 2006. P. 253–265. (In Russ.)
7. Orobij, S. Is this the birth of a novel from blog music? *Homo Legens*. 2012;1:75–77. (In Russ.)
8. Pisareva, E. Sex, immortality, matriarchy. “TRANSHUMANISM INC.” by Viktor Pelevin: a book for a weekend from Ekaterina Pisareva. Available at: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/08/26/seks-bessmertie-matriarkhat> (accessed 10.10.2021). (In Russ.)
9. Pustovaya, V. The boundaries of modern literature. *Literratura*. 2015. Available at: <http://litteratura.org/publicism/1448-o-granichah-sovremennoy-literatury.html> (accessed 12.10.2021). (In Russ.)
10. Smirnov, I. P. The crisis of modernity. Moscow, 2010. 296 p. (In Russ.)
11. Stepanova, M. M. Three articles on the topic. Moscow, 2015. 64 p. (In Russ.)
12. Filippov, L. Something like love: a critical article about Pelevin. Available at: <http://pelevin.nov.ru/stati/ofilip/l.html> (accessed 10.10.2021). (In Russ.)
13. Chernyak, M., Peshkova, O. Transformation of author’s and reader’s subjectivity in creative environment of digital medium. *Culture and Text*. 2019;2(37):144–156. (In Russ.)
14. Yan’, M. Books of Viktor Pelevin in the XXI century: Monograph. Voronezh, 2021. 192 p. (In Russ.)

Received: 31 January, 2022; accepted: 25 July, 2022